

Деятельность треста «Арктикуголь» на Шпицбергене в условиях краткосрочного планирования и экстремального климата, 1934—1941 гг.

Василий Боровой

Mining activity of the trust «Arcticugol» on Spitsbergen under short-term planning and extreme climate, 1934—1941

Vasily Borovoy
(University College Dublin, Ireland)

DOI: 10.31857/S086956870012192-2

Угледобывающий трест «Арктикуголь»¹ работает на норвежском архипелаге Шпицберген почти 90 лет. До лета 1934 г. трест находился в ведении Наркомата тяжёлой промышленности, а затем — Главного управления Северного морского пути (ГУСМП, Главсевморпути) при СНК СССР. Являясь фактически одним из советских наркоматов, ГУСМП занималось обслуживанием Северного морского пути как транспортной артерии, развитием промышленности на Севере, проведением научных исследований в Арктике и советизацией коренных народов Крайнего Севера².

В историографии подробно рассмотрены проблемы правового статуса Шпицбергена, советского присутствия на территории архипелага и возникавших в этой связи международных отношений³. Организованное на архипелаге производство представлено в трудах по экономической истории советского Севера лишь в контексте исследований высокой Арктики и арктических островов, но не значения угольных ресурсов для развития промышленности и транспорта региона в целом⁴.

Изучая проблемы индустриализации Крайнего Севера, историки фокусировали внимание на событиях, происходивших на материке, а не на островах

© 2020 г. В.С. Боровой

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10265.

¹ Создан 7 октября 1931 г. постановлением СНК СССР № 386.

² См., например: *Белов М.И.* Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933—1945 годы. Л., 1969; *McCannon J.* Red Arctic: polar exploration and the myth of the North in the Soviet Union, 1932—1939. N.Y.; Oxford, 1998; *McCannon J.* The Commissariat of Ice: The Main Administration of the Northern Sea Route (GUSMP) and Stalinist Exploitation of the Arctic, 1932—1939 // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2007. № 20. P. 393—419.

³ *Østreng W.* Soviet-Norwegian Relations in the Arctic // *International Journal*. 1984. Vol. 39. № 4. P. 866—887; *Тимченко Л.Д., Буроменский М.В.* Международно-правовой статус Шпицбергена // *Правоведение*. 1990. № 3. С. 88—92; *Касиян А.С.* Вопрос о Шпицбергене в российско-норвежских отношениях (1870—1953) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 16—22.

⁴ *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля». Очерк истории отечественной социально-экономической деятельности на Шпицбергене в XX веке. Мурманск, 2011; *Карелин В.А.* Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905—1925 гг.: исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск, 2013.

Шпицбергена, поэтому развитие там угольной промышленности рассматривалось как второстепенное явление в ранее названных контекстах и не вписывалось в историю индустриализации Европейского Севера⁵. Восполнить этот пробел призвано данное исследование, хронологические рамки которого выбраны не случайно. В 1934 г. «Арктикуголь» был передан в подчинение успешно работавшему ГУСМП, а в начале Великой Отечественной войны, летом 1941 г., всех работников треста (с 1940 г. переданного Министерству угольной промышленности) эвакуировали со Шпицбергена. Цель статьи: показав работу «Арктикугля» в экстремальных природных условиях Арктики, лучше понять внутренние механизмы деятельности предприятий СССР в рамках плановой экономики⁶.

Исследование основано на источниках, хранящихся в ведущих российских архивах. В основном это документы, содержащие планы и ежегодные отчёты о работе «Арктикугля» (РГАЭ, фонды Учреждений Северного морского пути и НИИ Экономики севера при ГУСМП), решения правительства по организации и развитию рудников на Шпицбергене (ГА РФ, фонд СНК СССР), а также информацию о складывавшейся там обстановке, об отношениях внутри коллектива треста и связанных с его будущим планах руководства ГУСМП (РГАСПИ, фонд Политуправления ГУСМП).

В первые годы XX в. на архипелаге добывать уголь начали привлечённые высокими мировыми ценами на него компании США, Великобритании, Норвегии, России, Швеции и Нидерландов. Продолжавшийся до середины 1920-х гг. рост цен на это сырьё сменился их резким падением. В результате несколько компаний ушли с рынка⁷, а их участки выкупила норвежская государственная компания «Стуре Ношке» («Store Norske Spitsbergen Kulkompani»).

В 1913 г. на Шпицбергене заработали российские компании («Торговый дом “Грумант”» и «Русское Шпицбергенское акционерное общество»). После революции 1917 г. их активы были проданы иностранным предпринимателям, а в конце 1920-х гг. часть из них выкупило советское правительство (государственный трест «Северолес»)⁸. В сентябре 1931 г. на основе участков, числившихся за акционерными обществами «Англо-Грумант» и «Русский Грумант», был основан трест «Арктикуголь» с рудником «Грумант-Сити» («Грумант»). В 1932 г. трест приобрёл голландский посёлок Баренцбург, а также угленосные участки шведских и голландских предпринимателей — «Пирамида» и «Тундра Богемана»⁹.

⁵ Bruno A. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge (Mass), 2016; Дьяков Ю.Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие. М., 1973; Киселёв А.А. Социалистическая индустриализация Европейского Севера СССР (1926—1940 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; Josephson P. Technology and the Conquest of the Soviet Arctic // The Russian Review. 2011. Vol. 70. № 3. P. 419—439.

⁶ О деятельности заводов, находившихся в центральных районах Советского Союза, см., например: Журавлёв С.В., Мухин С.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.С. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883—2001. М., 2005.

⁷ Avango D., Hacquebord L., Aalders Y., de Haas H., Gustafsson U., Kruse F. Between Markets and Geo-politics: Natural Resource Exploitation on Spitsbergen from 1600 to the Present // Polar Record. 2011. № 47. P. 29—39; Kruse F. Frozen Assets: British Mining, Exploration, and Geopolitics on Spitsbergen, 1904—1953. Groningen, 2013.

⁸ Карелин В.А. Шпицбергенский вопрос и судьба русских угольных предприятий на архипелаге в 1917—1925 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 142—157.

⁹ Порцель А.К. От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 11—34.

В отличие от всех других компаний интересы «Арктикугля» касались не только извлечения прибыли или обоснования государственного присутствия на архипелаге. Трест работал в режиме плановой экономики, его официально декларированной целью стало снабжение топливом Мурманской железной дороги, торгового и тралового флотов, а также промышленности Кольского полуострова. Направлявшийся на Крайний Север донбасский и импортный уголь планировали заменить шпигбергским. Решение этой задачи упрощалось — Советское государство начало производство на арктических островах не с нуля, а приобрело два «законсервированных» рудника¹⁰. Работа советских предприятий базировалась на двух юридических документах. Принципы открытости и демилитаризации архипелага гарантировал Шпицбергенский трактат 1920 г. (ратифицирован в 1925 г.), а Горный регламент 1925 г. (внутренний закон Норвегии) регулировал деятельность горной промышленности на местах.

В 1932 г. приоритет перед прочими организациями относительно поставок топлива имело ГУСМП. Оно могло получать уголь для арктических экспедиций в Ленинграде и Мурманске из запасов других предприятий и в ущерб выполнению их плана. Это ведомство отправляло в Комитет по топливу СТО при СНК жалобы на низкое качество шпигбергского угля и угрожало впредь отказаться от него, если ситуация не изменится¹¹. Стремление поставить под прямой контроль Главсевморпути качество угля «Арктикугля» и стало причиной его переподчинения. Объединение под одним руководством добытчика ресурса и его основного потребителя упрощало координацию поставок топлива.

При «переходе» были зафиксированы сверхплановые убытки треста в размере 1,8 млн руб., так как уже на третий год его работы выявилась отрицательная динамика в виде перерасхода средств на капитальное строительство и оплату сверхурочных работ. Наркомтяжпром обвинял во всём своих поставщиков (Главуголь) и транспортников. К середине 1934 г. оказалось, что в «Арктикугле» нет завершённого финансового отчёта за прошлый год, без которого нельзя было определить, кому и сколько задолжал трест, как появились его убытки, за счёт чего их можно было покрыть¹².

Давление норвежского законодательства, по которому на рудниках обязывали хранить годовой запас продовольствия, вынудило советское правительство экстренно решать проблему, возложив на Наркомтяжпром убытки «Арктикугля». ГУСМП приступило к активному выведению треста из кризиса за счёт давления на другие ведомства с целью получения необходимых ресурсов.

В центре внимания руководства Главсевморпути находилась организация навигации, за время которой надо было успеть вывезти уголь и завезти материалы, продовольствие, зимовщиков и сезонных рабочих. Для этого требовалось разработать план мероприятий до начала навигации, однако препятствием оказалось несоответствие циклов: годовых (планирования) и природных (в высоких широтах). Впоследствии работы по плану нового года обычно начинались позже первых чисел января, потому что согласование отчётов за прошлый год существенно задерживалось. Далее принимались постановления на уже начавшийся год, из-за чего к обсуждению планов навигации приступали, в лучшем

¹⁰ Боровой В.С. Дискуссии о создании треста «Арктикуголь» для добычи угля на Шпицбергене в 1931—1932 годах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6(51). С. 42—47.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-6761, оп. 1, д. 35, л. 163—164, 174, 183—184.

¹² Там же, ф. Р-5446, оп. 16, д. 3892, л. 1—16.

случае, в феврале—марте, а чаще в апреле—мае. В «неудачные» годы вплоть до конца лета и даже сентября на Шпицбергене вопросы завоза и вывоза решались в большой спешке, а планы производства угля и его вывоза неоднократно пересматривались уже в ходе навигации.

Задержки при согласовании отчётов и составлении планов были привычными для советской экономики. Затягивание сроков исполнения производственных заданий и «придерживание» информации об этом, констатировал А.М. Маркевич, стали одной из стратегий «торга» наркоматов с вышестоящей инстанцией за более реалистичные планы. В этой связи автор предложил называть советскую экономическую систему не «плановая», а «централизованно управляемая», при которой всё решала исполнительная власть¹³. Тем не менее трудновыполнимые планы оставались гибкими и корректируемыми, что позволяло руководителям «Арктикугля» произвольно «передвигать» работы в течение года и вывозить продукцию с острова за время короткой навигации.

В докладах сотрудников Научно-исследовательского института экономики севера (НИИЭС)¹⁴ за 1935 и 1936 гг. подчёркивалась особая роль треста в будущем снабжении углём флота и баз ГУСМП. Например, А.И. Реут отмечал, что обеспечить потребности этого ведомства в европейской части Арктики в полном объёме угледобывающий трест «Воркутауголь» уже не мог, а транспортировка угля со Шпицбергена по воде обходилась дешевле, чем по железной дороге из Донбасса. В первую очередь требовалось удовлетворить потребности флота, но роль «Арктикугля» в его снабжении составляла лишь 20—25%. Главсевморпуть вёл разведку угольных месторождений на территории всего Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Шпицберген считался временным источником угля, дальнейшие планы по его добыче связывались с печорскими рудниками (заработали на полную мощность уже в начале Великой Отечественной войны). По расчётам ГУСМП, после отказа от донецкого угля промышленность и транспорт Мурманского округа и Карельской АССР должны были работать только на топливе, добытом на Крайнем Севере¹⁵.

Из-за невозможности расширения производства на архипелаге инженеры НИИЭС А.А. Копорский и Ф. Плёнкин обосновали необходимость замены шпицбергенского угля печорским, предложив увеличить производительность труда шахтёров-ударников вдвое, рассматривая их как ресурс для выполнения плана. При этом они стремились избежать проектируемого ранее главным инженером треста М.Н. Стельмахом строительства с нуля шахты и посёлка на угленосном участке «Пирамида»¹⁶. По мнению учёных, можно было увеличить производство на уже имевшихся предприятиях только в краткосрочной перспективе и с минимальными капитальными вложениями. На рудниках сложилась ситуация, при которой план постоянно увеличивался, но завозить больше людей оказалось нельзя из-за невозможности строительства жилых помещений. Рост производительности труда через рационализацию и механизацию шёл очень медленно и на первых порах требовал больших затрат. Поэтому при решении технологической задачи исключительно организационным способом

¹³ Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. М., 2003. С. 26, 41—42.

¹⁴ НИИЭС был специально создан для научного сопровождения работы ГУСМП в 1934 г.

¹⁵ РГАЭ, ф. 67, оп. 1, д. 84, л. 1—5, 9—12, 21—25. Тогда же посчитали, что поставки этого топлива необязательны для Ленинграда.

¹⁶ Там же, д. 141.

сделали ставку на стахановское движение¹⁷. Оно начало приносить «плоды» уже с 1936 г., развиваясь за счёт переработок и повышенного износа техники¹⁸. Большинство «подземных рабочих» приезжали из Донбасса. Для них становилось принципиально важным перекрыть в Арктике рекорды родного края. Это происходило неоднократно, являя собой пример адаптации советских практик управления промышленным производством в полярных условиях.

Какова же была роль треста «Арктикуголь» в снабжении ГУСМП углём? Основными его потребителями, по данным НИИЭС, стали порты и флоты, включая рыболовецкие траулеры, а также судоремонтные заводы и предприятия консервной промышленности. В 1935 г. в расходе Главсевморпути 183,9 тыс. т угля шпигбергенский составил лишь 21 тыс. т (11,4%). В 1936 г. планировалось израсходовать 213, через год — 250 тыс. т при увеличении покрытия нужд ГУСМП шпигбергенским углём до 20% (43 и 50 тыс. т в 1936 и 1937 гг. соответственно), в дальнейшем — до 25%¹⁹.

Различным по возможностям применения, качеству и цене был уголь, добывавшийся для нужд Главсевморпути в разных частях Сибири, Дальнего Востока и Европейского Севера. На территории последнего шпигбергенский уголь конкурировал только с донецким (его доставка по железной дороге была ограничена) и печорским (месторождения края до войны давали незначительные объёмы топлива). В ценовом отношении уголь шпигбергенских и печорских рудников было целесообразнее отправлять на Европейский Север, а в Сибири использовать местный²⁰.

«Арктикуголь» около 12—15% добытого топлива поставлял ГУСМП, остальное — предприятиям вне его системы: тресту «Апатит», Мурманской железной дороге, судам Наркомата водного транспорта и рыболовным траулерам. Продукция треста пользовалась большим спросом, особенно в области морских перевозок, постепенно вытесняя на Европейском Севере донбасский уголь. Однако в случае возникновения проблем с производством или вывозом продукции «Арктикугля» замены ему не было, что ставило в зависимость от треста многие предприятия. Сформировалась чувствительная система, в которой на фоне постоянного топливного голода выход из строя хотя бы одного элемента угрожал работе транспорта и промышленности Крайнего Севера. В первую очередь могли пострадать торговые и траловые флоты — они снабжались в основном с архипелага и не могли найти замену шпигбергенскому углю.

Единственный способ повысить объём производства в условиях слабой организации труда и постоянной нехватки технических средств руководство ГУСМП и «Арктикугля» видело в расширении посёлков и строительстве рудников. Однако такой подход не сработал в поселке Грумант. Из-за сложного рельефа нельзя было построить жильё для рабочих, а механизация местного рудника требовала вложений. В итоге трест получил согласие Госплана на то, что объёмы производства на этом руднике будут расти незначительно, а его работу по возможности поддержит «Арктикуголь». Закрывать «Грумант» не могли: пропали бы вложенные в его развитие средства, к тому же уголь рудника имел марку «флотского» из-за высокого качества и был востребован в морском транспорте.

¹⁷ Там же, д. 120, л. 207—210, 236.

¹⁸ Журавлёв С.В., Мухин С.Ю. «Крепость социализма»... С. 120—124.

¹⁹ РГАЭ, ф. 67, оп. 2, д. 127, л. 4—4 об., 51, 55, 59.

²⁰ Там же, л. 7—8 об.

Проект Стельмаха предполагал экстенсивное развитие рудника «Баренцбург» за счёт вовлечения в производство большого числа рабочих и расширения шахты, а стабильную работу «Груманта» должны были обеспечить задержки роста плановых показателей и постепенное наращивание производительности труда, прежде всего за счёт стахановского движения. Но в проекте не назывались резервные производственные мощности, и он был рассчитан на благоприятные геологические условия, в которых горные выработки велись равномерно с постоянным и предсказуемым ростом²¹. В целом план Стельмаха предполагал слишком оптимистичные перспективы показателей роста производительности труда и качества угля параллельно со снижением его себестоимости. В тот период, по предположению Л. Грэма и К. Бэйлса, ориентация советских специалистов на экстенсивное развитие предприятий объяснялась «давлением плана»²². Инженеры и учёные часто устранились от внедрения своих разработок в производство. Расчёт на быструю отдачу от него в короткой перспективе мешали реализации инноваций, более выгодных в долгосрочном плане. Общая для промышленности СССР нехватка представителей важного звена — между производством и исследователями — явилась большой проблемой и для «Арктикугля», и для промышленности Европейского Севера. Полагаю, причинами также стали нежелание инженеров и учёных брать на себя дополнительную ответственность и невозможность для них в тех условиях реализовать задуманное.

Во второй половине 1930-х гг. ожидался рост вывоза топлива со Шпицбергена — 500—600 тыс. т угля в год, однако к 1938 г. произошёл спад производства — до 57% запланированного. Разведанные запасы уже выработали, а на поиск новых выделялось недостаточно средств. «Арктикуголь» был обеспечен известными запасами всего лишь на один-два года работы. Угольные пласты оказались недостаточно изученными, новые участки в процессе освоения быстро истончались, их производительность резко падала. К тому же на не подготовленных к работе участках появились грунтовые воды, зольность угля (доля несгораемого остатка) увеличилась до 23%, что превышало норму²³. Более того, в конце 1937 г. трест ещё не подготовил план на третью пятилетку (1938—1942). Всё это наряду с общей тенденцией на разукрупнение ГУСМП способствовало передаче в 1940 г. «Арктикугля» Наркомуглепрому²⁴.

Отмечу ещё один важный факт: с середины 1936 г. из-за слабо изученных на архипелаге природных условий часто изменяли планы строительных и горных работ треста²⁵. Организаторы производства иногда даже не знали, какими запасами угля располагали, на какие объёмы производства могли рассчитывать. В условиях арктического климата многие материалы (товары и оборудование) хранились под открытым небом, их заносило снегом. Как правило, только весной выяснялось, какие материалы требовалось срочно заказать в период навигации. Многие грузы завозили в избыточном количестве, и происходило затоваривание. Плохую видимость в зимнее время местное руководство ис-

²¹ Там же, ф. 9570, оп. 2, д. 139—140.

²² *Graham L.R.* The Ghost of the Executed Engineer. Technology and the Fall of the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1993. P. 67—79 (*Грэхэм Л.* Призрак казнённого инженера. Технология и падение Советского Союза. СПб., 2000); *Bailes K.E.* Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917—1941. Princeton (NJ), 1978. P. 337—380.

²³ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1492, л. 14.

²⁴ *Порцель А.К.* От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 49.

²⁵ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1493, л. 4—8, 12.

пользовало как аргумент для создания дополнительных запасов на период автономной работы. Завоз лишних товаров и проведение подземных работ вслепую увеличивали финансовую нагрузку на «Арктикуголь». Дестабилизация его деятельности также происходила из-за невозможности постоянного проживания работников на Шпицбергене. Так, главный бухгалтер, начальник треста и их заместители попарно ежегодно менялись местами на архипелаге и в Москве, а местный персонал склада обновляли каждую навигацию. Кроме того, в 1937 г. в московской конторе «Арктикугля» сменилось восемь начальников²⁶. Дезорганизовывали работу треста неблагоприятные природные условия, «давление» всё возрастающего плана, травматизм на производстве и начало кампании по выявлению «вредителей», особенно во время Большого террора 1937—1938 гг.

В 1930-х гг. на «Арктикугле» было зафиксировано немало несчастных случаев. Чаще всего рабочие получали травмы из-за обрушения кровли в шахтах, что было организационно-технической проблемой работы рудников и следствием низкой технической грамотности рабочих и инженеров. В 1934 г. при взрыве угольной пыли погибли девять человек, в 1937 г. — шесть, 34 рабочих пострадали²⁷. Кроме того, некачественные медицинские осмотры шахтёров перед работой приводили к их частым заболеваниям, особенно в зимнее время. В 1938 г. трудившиеся на архипелаге 1 975 человек пропустили по болезни 11 007 рабочих дней и ещё 1 686 — из-за прогулов и отказов выхода на работу. При этом число заболевших в первом квартале года оказалось в два-три раза больше, чем в остальные месяцы²⁸.

Если в начале 1936 г. благоприятное для добычи угля геологическое строение пластов (толщина, мягкость, доступность) способствовало перевыполнению плана, то дальнейший переход шахтёров на другие участки привёл к срыву запланированного на второе полугодие. Невыполнение плана стало постоянным явлением нескольких последующих лет. Климат и короткая навигация по-прежнему «помогали» администраторам требовать первоочередного завоза необходимых товаров на Шпицберген, однако в 1937—1938 гг. вину за такое безответственное отношение к материальным ценностям в Москве возложили на руководство «Арктикугля». Тогда же советская пресса активно призывала рабочих постоянно контролировать на производстве действия местных инженеров и администраторов²⁹. Учитывая ориентацию «Арктикугля» на завоз «привозных» стахановцев, можно предположить, что их «контроль» был особенно жёстким.

В то же время репрессии на архипелаге в отношении инженеров, управленцев и обслуживающего персонала стали, по сути, завершением происходивших во время зимовок многочисленных склок с участием членов партийного актива и комсомольцев. Так, в 1935—1938 гг. частыми были конфликты между членами партийного комитета рудников, фактически нелегально существовавшего на территории Норвегии. Как правило, получившее очередное «дело» Политуправление ГУСМП летом отправляло на место комиссию для выяснения всех обстоятельств. По завершении её работы «провинившихся» высылали со Шпицбергена³⁰.

²⁶ Там же, д. 1492, л. 4—28.

²⁷ Порцель А.К. От «Груманта» до «Арктикугля»... С. 183—198.

²⁸ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1510, л. 17.

²⁹ Siegelbaum L.H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*. Cambridge (Mass.), 1990. P. 210—246.

³⁰ РГАСПИ, ф. 475, оп. 1, д. 24, л. 49—70.

В таких конфликтах всегда смешивались личная неприязнь, рабочие вопросы и политические кампании по выявлению «вредителей». Вдали от государственных институтов сообщество советских трудящихся вырабатывало систему неформальных отношений, неподвластную присланным партийным организаторам. В итоге работники сводили счёты друг с другом через обвинение оппонентов в дезорганизации производства и срыве его планов³¹. Под удар попадали руководители парткома, инженеры и администраторы, которым вменялась неспособность повысить на предприятиях архипелага производственные показатели и мобилизовать партийные и комсомольские организации для борьбы с вредительством³².

Хотя вместо арестованных в 1937 г. инженеров и управленцев «Арктикугля» начали работать «новые» люди, в течение одного-двух лет они не могли резко изменить ситуацию. Удалось ли тогда руководству учесть опыт своих предшественников? Отчёт о работе треста за 1938 г. во многом отсылает к тому времени, когда виновных за ошибки «назначали»³³. Согласно документам, в 1937 г. недостаточно проводилось горных капитальных работ, игнорировалась геологоразведка, в результате производство под землёй двигалось «вслепую». Оно становилось более убыточным, началось истончение угольных пластов, повысилась зольность угля. Кроме того, ухудшилась организация труда треста, происходила неразбериха с зарплатой (перерасход). Вовремя не проведённый ремонт электростанции привёл к её аварии и длительному простоею шахты. Летом почти прекратили ремонтировать жилые помещения, что вызвало недовольство работников. Сохранялся дефицит запчастей для используемых на рудниках механизмов. Из-за низкого качества сделанных кустарно, в механическом цехе, необходимых деталей падала общая производительность труда³⁴.

План завоза в посёлок Грумант инженеров и обслуживающего персонала удалось перевыполнить в полтора-два раза, при этом последних было существенно больше, чем рабочих. Оригинальным оказался способ подсчёта общей численности стахановцев на рудниках: определялось число работников, ежемесячно перевыполнявших план по каждой специальности, и в конце года складывалась сумма количества рабочих по месяцам, т.е. каждый стахановец учитывался столько раз, сколько месяцев в году он перевыполнял норму. В 1938 г. из работавших на Шпицбергене 1 975 человек в «Баренцбурге» «насчитали» 1 689, в «Грумманте» — 769 стахановцев³⁵.

Убыток треста составил 17 656 841 руб., суммарный долг на 1 января 1939 г. — 10 632 тыс. руб., в том числе 6 332 тыс. руб. — задолженность по зарплате перед рабочими и служащими³⁶.

План работ на 1937 и 1938 гг. был сорван: их организация велась из расчёта на улучшение геологических условий³⁷, не учитывался непредсказуемый рельеф Шпицбергена. В 1939 г. срочно составили новый производственный план «Арктикугля». На 1 января разведанное шахтное поле в «Баренцбурге» оценивалось в 500—600 тыс., в «Грумманте» — в 5 млн т (при таких темпах добычи

³¹ Там же, оп. 3, д. 6.

³² Там же, оп. 2, д. 593.

³³ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 1510, л. 1.

³⁴ Там же, л. 2—10.

³⁵ Там же, л. 23—26.

³⁶ Там же, л. 29—34.

³⁷ Там же, д. 1515, л. 6—18, 64—67.

угля его запасов к 1941 г. в «Баренцбурге» не осталось бы). Для советских предприятий на Шпицбергене срочно начали искать запасы угля в других местах, и внимание руководства переключилось на рудник «Пирамида». Здесь отмечались высокое качество угля и два пласта, толщиной от 1,45 до 6,65 м. На том же участке имелись хорошие условия для строительства и транспортировки: широкая горная долина с выходом на спокойную гавань. Запасы рудника в верхнем пласте оценивались в 10, в нижнем — в 20 млн т. В новых обстоятельствах «Пирамида» рассматривалась как замена выходящему из строя «Баренцбургу». Хотя это было вынужденной мерой, но в целом в краткосрочной перспективе не противоречило планам разработки месторождений угля на архипелаге. Вскрыть участок планировали в 1939 г., в 1940 г. добыть 60, в 1941 г. — 150, в 1942 г. — 280 тыс. т угля. Развивать рудник «Груммант» намеревались за счёт механизации горных работ и погрузки в порту³⁸.

В 1939 г. заместитель начальника ГУСМП П.П. Ширшов (один из четырёх героев-папанинцев, морской биолог по образованию) обратился в Экономсовет СНК³⁹ с запросом о выделении 2 млн руб. на горные (разведывательные) работы по месторождению «Пирамида»⁴⁰. В тот год в ходе строительства Мурманского судоремонтного завода не успели освоить заложенные на это средства в бюджете, в то же время в некоторые предприятия Главсевморпути нуждались в срочном финансировании (например, «Баренцбург» мог прекратить работу в течение одного-двух лет)⁴¹.

В сентябре 1939 г. Экономсовет СНК предложил ГУСМП увеличить оплату услуг Народного комиссариата морского флота по перевозке угля со Шпицбергена. Хотя согласие последовало, но не относительно 1 августа 1939 г. (на этой дате настаивал нарком морфлота С.С. Дукельский), а начала 1940 г. Увеличение стоимости фрахта привело бы к расходам, не учтённым в плане. Главсевморпуть был согласен на повышенный тариф. Если в начале работы шпицбергенской линии (1931—1932) цена фрахта составляла 8 руб. за 1 т угля, то в начале навигации 1940 г. — 16 руб. В первые годы добычи угля его вывозили в основном иностранные суда (по тайм-чартеру), в 1939 г. — только советские. С началом Второй мировой войны суда многих зарубежных стран ушли со шпицбергенской линии, поскольку были задействованы в перевозках стратегических грузов воюющих сторон⁴².

В связи с этим интересные факты содержит переписка Экономсовета СНК, ГУСМП и рудоуправления на Шпицбергене по поводу вывоза угля с рудника «Груммант» (август—сентябрь 1939 г.). Тогда в середине навигации выяснилось, что на складе скопились большие запасы угля, и сохранялся риск не успеть его вывезти и сорвать реализацию программы угледобычи на будущий год. Переписку инициировал обратившийся к В.М. Молотову начальник рудника «Груммант» Шпак, который раскритиковал своё непосредственное начальство — Горно-геологическое управление ГУСМП⁴³.

При неправильном хранении на складе уголь мог самовозгореться. Его погрузка на суда оставалась одной из главных проблем с момента создания

³⁸ Там же, д. 1514, л. 5—17, 45—49.

³⁹ Экономсовет СНК был сформирован после того, как Экономсовет СТО был упразднён постановлением ЦИК СССР от 28 апреля 1937 г.

⁴⁰ Эти работы начались в 1941 г.

⁴¹ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 200, л. 81, 133—134.

⁴² Там же, л. 144—149.

⁴³ Там же, л. 201—203, 206, 208—214.

«Арктикугля» — ограничивались максимально возможные объёмы добычи топлива. Погрузка производилась лишь пять-шесть месяцев в году во время навигации и всегда требовала привлечения большого числа «подземных» рабочих. Её могли существенно расширить за счёт капитальных вложений в портовую инфраструктуру, но ориентация на краткосрочную перспективу не предполагала необходимых для этого значительных расходов.

Вопрос о погрузке угля на суда был поднят в начале 1941 г., вскоре после подчинения «Арктикугля» Наркомату угольной промышленности. Это ведомство запросило СНК о передаче в ведение Наркомморфлота портов Шпицбергена, так как их обслуживание и расширение оставалось «головной болью» треста. Заместитель наркома угольной промышленности Д.Г. Оника ссылаясь на то, что погрузкой угля в тяжёлых условиях Арктики должны заниматься квалифицированные специалисты⁴⁴. В Наркомморфлоте ответили, что порты строились специально для нужд рудников, а портовикам с их сезонной работой потребовались бы специальные постройки, что вызвало бы ненужные расходы на завоз грузчиков. В итоге всё оставили без изменений, в противном случае, по мнению руководства, произошёл бы разрыв «единого хозяйства рудника и порта»⁴⁵.

У «Арктикугля» имелись проблемы с количеством и качеством угля, из-за чего многие суда не могли выполнить план. Балтийское государственное морское пароходство неоднократно обращалось к Ширшову с жалобами относительно угля из «Баренцбурга». В нём встречались куски породы, доходившие до 8 кг. Хотя для этого рудника стандарт зольности на 1939 г. предполагал 19—22,5%, на пароходах этот показатель доходил до 26%. От начальника «Баренцбурга» неоднократно требовали поднять качество угля и увеличить число породоотборщиков. Со стороны потребителей звучала угроза впредь отказаться от баренцбургского угля и использовать топливо только с «Груманта». В ответ руководство «Баренцбурга» заявляло, что качественное обогащение механическим способом было невозможно, устройство обогатительной фабрики в Баренцбурге не планировалось, так как запасы для производства имелись всего на один год. Пласт продолжал сокращаться до 0,5 м и тоньше, из-за чего в перспективе зольность должна была подняться до 25—35%⁴⁶. В «Арктикугле» были готовы закрыть «Баренцбург» в течение одного-двух лет и сконцентрировать все усилия на «Пирамиде», но не сделали этого из-за отсутствия необходимых средств. В итоге в 1939 г. «Грумант» оказался единственным стабильно работавшим на Шпицбергене рудником, вывоз с него угля напрямую контролировали ГУСМП и Экономсовет СНК⁴⁷.

Между тем «Арктикуголь» стал убыточным предприятием, подходы к его управлению не изменились. Составители его планов стремились к экстенсивному развитию за счёт расширения производственных мощностей, механизация рудников шла медленно, размывалась трудовая этика рабочих, росло недопонимание между представителями разных уровней администрации Главсевморпути и треста. Неспособность выполнить план лишала последнего доверия со стороны ГУСМП, СНК и в перспективе делала невозможным выведение предприятия из затянувшегося кризиса.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 25, д. 754, л. 18—22.

⁴⁵ Там же, л. 23—25.

⁴⁶ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, д. 200, л. 214.

⁴⁷ Там же, д. 202, л. 157—160.

В 1939 г. ситуация с работой «Баренцбурга» и вывозом угля с «Грумманта» ухудшилась. Потребители предъявляли всё больше претензий, игнорировать которые ГУСМП уже не могло. Ещё весной 1938 г. на совещании по вопросам работы на Шпицбергене И.О. Серкин, начальник Политуправления ГУСМП, предложил вывести из этой организации «Арктикуголь». Горные работы треста не соответствовали задачам Главсевморпути, практически не имевшего для такой деятельности собственных кадров, за них он постоянно «боролся» с Наркомтяжпромом⁴⁸. В результате «Арктикуголь» перевели из-под непосредственного руководства ГУСМП под начало его Горно-геологического управления. Но, потеряв рычаги финансового влияния на трест, управление не смогло спасти ситуацию⁴⁹.

Передачу в 1940 г. «Арктикугля» Наркомату угольной промышленности можно объяснить как попытку исправить положение, равно как и мерой отраслевой концентрации производства предыдущего десятилетия, а также арестом руководителей, ранее обосновывавших важность треста для ГУСМП⁵⁰. Однако до начала эвакуации всех предприятий со Шпицбергена (после 22 июня 1941 г.) существенных изменений в «Арктикугле» не произошло, по-прежнему игнорировались условия работы на рудниках и особенности устройства их технической системы.

Итак, в 1935—1939 гг. в регионе Главсевморпуть обладал большим влиянием и аккумулировал значительные материальные и людские ресурсы. Находящемуся в подчинении этого ведомства тресту «Арктикуголь» удалось занять нишу в области поставок угля для промышленности Европейского Севера, испытывавшей в довоенный период топливный голод. Однако трест оставался ненадёжным поставщиком ввиду сложности добычи топлива в Арктике и постоянных срывов производственных планов и отчасти работы ГУСМП (хотя на морском транспорте уголь рудников «Арктикугля» «вытеснил» донецкий). Разрешить кризис развития треста пытались его переподчинением вышестоящей организации, но безуспешно.

Однако важно помнить, что Советский Союз разрабатывал угольные участки Шпицбергена не только по внешнеполитическим соображениям, но и реализовывал проекты, снабжая топливом советские флоты и промышленные предприятия на своём Крайнем Севере. В плановой системе СССР (в отличие от рыночной) даже убыточное предприятие финансировалось, если в его продукции нуждалось государство. Для него, безусловно, была целесообразность в работе неприбыльного «Арктикугля» — он участвовал в решении топливной проблемы. Предположение, что шахты открыли только для поддержания советского присутствия на Шпицбергене, неверно, как минимум, для исследуемого периода: трест выполнял тяжёлые производственные задачи, предполагались рост выпуска его продукции и удовлетворение постоянно растущего на Европейском Севере спроса на топливо. В этом смысле в годы первых пятилеток «Арктикуголь» не отличался от других промышленных предприятий Советского Союза.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 475, оп. 2, л. 634, л. 1—2.

⁴⁹ РГАЭ, ф. 9570, оп. 2, л. 131, л. 32.

⁵⁰ Rowney D.K. The Scope, Authority and Personnel of the New Industrial Commissariats in Historical Context / Ed. W.G. Rosenberg, L.H. Siegelbaum // Social Dimensions of Soviet Industrialization. Bloomington; Indianapolis (IN), 1993. P. 124—145; Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. М., 2004. С. 118—119.

Так, участок «Пирамида» был куплен правительством СССР, чтобы сделать советское присутствие на Шпицбергене более заметным, но работа рудника изначально там не планировалась (это требовало больших вложений, которые не сразу бы окупились). В результате выхода из строя «Баренцбурга» «Арктикуглю» всё же пришлось заняться разработками в «Пирамиде», так как снижение производительности труда на угольных шахтах архипелага, тем более их закрытие в 1939 г. привели бы к остановке морского транспорта и коллапсу советской экономики на Европейском Севере. Рудник «Пирамида» должен был заменить истощившиеся шахты «Баренцбурга», а «Грумонт» — сохранять постоянный уровень добычи угля (но провести здесь механизацию производства не удалось, а его объёмы практически не увеличились).

Приобретение рудников на архипелаге и попытка с минимальными вложениями быстро получить уголь высокого качества выглядят разумным решением в краткосрочной перспективе. И всё же природно-климатические и геологические условия, а также международно-правовой статус Шпицбергена требовали более продуманного управленческого подхода и масштабных инвестиций, которые могли окупиться только в будущем. По окончании Второй мировой войны СССР занялся восстановлением шахт на архипелаге, однако структура промышленного производства на Европейском Севере изменилась. Так, объём добычи угля в Воркуте в несколько раз превысил тот же показатель на Шпицбергене, и эта разница росла год от года.

В целом кризисное состояние треста «Арктикугля» в 1930-х гг. (деятельность которого стала возможна лишь под руководством ГУСМП, непрофильного ведомства, которое испытывало дефицит соответствующих кадров и не имело опыта добычи угля, потребляя лишь пятую его часть) обуславливалось не только медленным внедрением инноваций в осуществлявшееся в трудных арктических условиях производство, но и в целом экстенсивным развитием советской промышленности с характерным для неё краткосрочным планированием.